

ПАМЯТИ МИШИ

ЛИЛЯ МАРИНОВ

Хайфа, Израиль

Смерть близкого – невосполнимая утрата – это всегда так.

Тут – ещё и утрата прочной нравственной опоры, источника высокой духовности, которые так нужны в наше безнадежное время.

Мы – его семья – были защищены им не только от материальных невзгод. Он был учителем в том понимании, которое свойственно иудаизму. Его нерушимость – верность себе, его абсолютное целомудрие, которое присуще только по-настоящему религиозному человеку – давали веру в возможность разрешения любой проблемы.

Он смещал масштабы человеческих достоинств – рядом с ним многое становилось тривиальным, а подчас мелким. Яростный в своих пристрастиях, он был благородно снисходителен: в его отношении к людям был большой запас доброты. Если это не касалось политических деятелей.

Его эрудиция была уникальна – полное владение почти всеми романско-германскими языками (он собирался продолжать учить языки – это был его “отдых”), чтение в подлиннике немцев: Гейне, Гёте, Рильке, французская средневековая поэзия, Анатоль Франс, Лорка – перечень бесконечен. Любовь к славянским языкам – выучив польский и чешский, читал Мицкевича, Сенкевича, Тувима, Ивана Ольбрахта – в своё время многое, что переводилось на эти языки, не издавалось по-русски.

Доскональное владение Историей как инструментом – в страстном анализе нашей израильской действительности – и его точные предсказания, которые до сих пор цитируются его друзьями, и которые продолжают сбываться. Философия – современная и античная. По универсальности знаний и их глубине, по жадному интересу к жизни – он был человеком эпохи возрождения (homo universale).

Он был мастер во всем, за что ни брался – начиная от реставрации книги, починки чайника, полировки письменного стола, и кончая постройкой дома – все было профессионально. Никогда он не был диалетантом.

Его жизнь – героическая – по интенсивности и по уровню взятых на себя обязательств.

Восемь лет отказа, проведенных в отлучении от любимой работы. Гордое преодоление трудностей: добыча заработка – переводов, заменивших физику (тут была неоценимой помощь нашей близкой подруги Инны Долговой – она брала переводы на своё имя – это был риск, как и риск Миши Терентьева, оформившего Мишу своим секретарем – для Г.Б. – чтобы не привлекли за тунеядство). И продолжавшаяся научная работа дома – его самодисциплина была удивительна.

Тяжелая физическая работа, вместе с друзьями-физиками, на шабашке – этакое братство. Миша уезжал в 4-5 часов утра, и ночевали они в недостроенном доме, подчас засыпая в спальных мешках под первым снегом (период работы с Левой Пономаревым). Возвращался с распухшими красными руками и гордо показывал мне свой крепкий кулак, в котором он умел держать любой столярный инструмент. Перед сном пересказывал процenzурированные анекдоты Пети Волковицкого и другого напарника под кличкой “Игорек”. Шабашка и друзья, с которыми он работал вместе, остались навсегда в его памяти.

Росли девочки, а получение разрешения на отъезд вовсе не было очевидным. Дима Рогинский – один из немногих уехавших, кто продолжал непрерывно поддерживать связь с нами в те тяжелые годы. Мишина душевная стойкость не изменяла ему – он интенсивно учил иврит – не только из-за своей любви к языку, но ясно понимая, что без иврита он себя не реализует в Израиле.

В результате катастрофы на стройке Миша сломал ногу – тяжелейший перелом. С шабашкой пришлось покончить. Он продолжал заниматься переводами. Сохранить себя и как личность, и профессионально – это было под силу не каждому – я не знаю других примеров, кто сумел вернуться в науку после 8-летнего перерыва – отказа.

Он начал искать работу с первых дней после приезда в Израиль. Тяжелый год в Иерусалиме – временная работа, преподавание в Иерусалимском университете, поездки в Ариел – преподавание в мичлале (колледже). Наконец, приглашение дать семинар в Технионе и получение возможности начать там работать. В Израиле его академическая работа включала преподавание – почти каждый год это был новый курс, тщательно им подготовленный. Работа с докторантами – непрерывный контакт, и много терпеливой помощи. Это требовало много душевных сил, но он был счастлив, наблюдая их успехи – Била Сегев, Иохаи бен Хорин, Давид бар Моше, Нурит Краус – его благодарные ученики. Работа исследователя расценивалась им как ремесло в высшем смысле этого слова.

И он поистине был мастер – когда вдохновение ему подчинено.

Я выросла вместе с Мишиной сестрой Иной (Наиной – так её называли, и так её называли в школе) – мы учились с первого класса вместе, жили в соседних домах. Судьба распорядилась так, что место нашего обитания – Трубниковский переулок – свел нас вместе. Наше еврейство было для нас обоих очевидно и притягательно во всех смыслах слова “притягательно”.

Я ребенком бывала у них в доме. Атмосфера в Мишиной семье была удивительной – взаимное уважение, любовь, внимание – тон, заданный Мишиной мамой – Тамарой Ефремовной. “Мама так меня любила, что я не помню, чтобы она когда-нибудь повысила голос. Если я в чем-то был виноват – ее реакция была – недоумение” рассказывал Миша мне позже. С отцом было полное единение. Для младшей сестры Наины он был любимым брат и духовный наставник. Семья: родители и сестра, а позже я и наши девочки – были в центре его внимания и заботы всегда.

В наш постмодернистский век Миша был редким примером верности тем понятиям, которые нынче не в ходу: честь, достоинство, ответственность. Это включало его ясную самоидентификацию – всегда еврей, никогда не гражданин мира – не оставлявшую ни у кого никаких сомнений. Так было в Москве, так было после приезда в Израиль. Достоинство и ответственность – продиктовали и выбор судьбы – такой нелегкой. Ответственность перед собой, детьми и детьми их детей. Ощущение себя Ха Ехуди Ха Гее – гордым евреем на своей Земле – единственном месте, где он себя чувствовал на Родине, дома – в Израиле. Здесь он был счастлив.

Нестерпимо больно, что этого счастья ему было отпущено немного.